

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/22253513/48/2

## Государственное реагирование на самосуды криминального характера в России: историко-правовое исследование

Александр Михайлович Смирнов<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,  
Москва, Россия

<sup>2</sup> Международный юридический институт, Москва, Россия  
<sup>1,2</sup> samnauka@mail.ru

**Аннотация.** На основе анализа исторических источников права и литературы, посвященной этнокультурному развитию русского общества, изложены основные аспекты государственного реагирования на самосуды криминального характера в истории России. Отмечается, что самосуды имеют глубокие исторические корни. В связи с этим к криминальному самосуду над причинителем вреда прибегают в России и в настоящее время, что является серьезной социально-криминологической проблемой, требующей своего решения.

**Ключевые слова:** история права, история России, самосуд, криминальный самосуд, саморасправа, самозащита, самозащита права, дуэли, безопасность личности

**Для цитирования:** Смирнов А.М. Государственное реагирование на самосуды криминального характера в России: историко-правовое исследование // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 15–28. doi: 10.17223/22253513/48/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/48/2

## State response to criminal self-destruction in Russia: historical and legal research

Alexander M. Smirnov<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

<sup>2</sup> International Law Institute, Moscow, Russian Federation  
<sup>1,2</sup> samnauka@mail.ru

**Abstract.** Based on the analysis of historical sources of law and literature on the ethno-cultural development of Russian society, the article presents a historical and legal study of the state's response to criminal lynching in Russia. It is noted that the lynching of the inflictor of harm, carried out in socially dangerous ways, has deep historical "roots" in Russia. The nature of the public response to these lynchings directly depended on the degree of formation of the state and its power institutions. At the ini-

tial stage of the formation of the Russian state, lynching reprisals against offenders were not perceived as something harmful and requiring a ban at the official level. In this connection, they were not persecuted by the authorities under the threat of punishment. The most striking manifestations of criminal lynching in the history of Russia were peasant (communal) lynching, duels and murders based on "blood" revenge. That is why in the history of the Russian state there are enough facts that justify and heroize lynch reprisals, setting them up as an example to follow. An example of this is the lynching committed by Princess Olga (X century) and V.I. Zasulich (1878). In the process of strengthening the power of the Russian state and strengthening its institutions, in particular forcible purpose, the development of law as a public regulator of the existing social relations, the state power has completely arrogated to itself the "right to violence" and the implementation of law enforcement. In this regard, the state began to take targeted measures to limit the lynching activity of its citizens, up to the establishment of the most severe (criminal) responsibility for it. Despite the efforts undertaken by the authorities over the entire historical period of the development of Russian statehood, it was impossible to completely eradicate these lynchings. This was significantly influenced by such factors as: the territory of the state; the development of law and the nature of the state's response to lynching by legal (criminal) means; peculiarities of administration of justice; social "upheavals" of a nationwide scale (revolutions, changes in political regimes), activating anarchist sentiments in society; a Russian ethno-cultural paradigm that presupposes a strong position of customary law and a distrustful attitude towards public law and justice. In this regard, criminal lynching of the tortfeasor is resorted to at the present time, which is a serious socio-criminological problem for modern Russia, which requires its solution, primarily by legal means and improvement of law enforcement practice aimed at eradicating the desire of Russian citizens to independently deal with the inflictor of harm in the field of criminal law relations.

**Keywords:** history of law, history of Russia, lynching, criminal lynching, self-righteousness, self-defense, self-defense of law, dueling, personal security

**For citation:** Smirnov, A.M. (2023) State response to criminal self-destruction in Russia: historical and legal research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 48. pp. 15–28. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/48/2

## Введение

Российская Федерация стремится быть демократическим, правовым государством, в котором необходимое развитие получают институты гражданского общества, что согласуется с требованиями, предъявляемыми мировым сообществом к современным цивилизованным странам.

Именно поэтому в Конституции Российской Федерации указано, что права и свободы человека и гражданина для нашей страны выступают высшей ценностью и имеют первоочередное значение. В связи с чем их защита от каких-либо посягательств является государственной обязанностью (ст. 1, 2 и ч. 1 ст. 45 Основного закона), реализация которой обеспечивается широко развернутой системой правоохранительных органов.

Вместе с тем по ряду объективных обстоятельств эти органы не всегда способны оказать лицам, находящимся на территории России, необходимое содействие в защите их правового статуса. В этой связи Конституция

Российской Федерации предоставила право любому такому лицу самостоятельно защищать свои права и свободы любыми способами, легитимность которых не оспаривается на законодательном уровне (ч. 2 ст. 45). Необходимо отметить, что это право в каждой отдельной сфере общественных отношений ограничивается регламентирующими ее нормативными актами, т.е. оно имеет субсидиарный характер.

Так, например, в сфере уголовно-правовых отношений самостоятельная активность личности по защите своих прав и свобод от общественно опасных посягательств регламентирована в некоторых статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 37–39). В этих статьях указаны правовые основания и пределы реализации данных прав.

Вместе с тем некоторые лица проявляют самостоятельную активность не только по защите своего правового статуса, но и прав и свобод иных лиц, реализуя ее вне правовых предписаний. Эта активность проявляется в форме учинения самочинных расправ над правонарушителями, осуществляемая в отдельных случаях с помощью деяний, обладающих общественной опасностью (криминальных).

Подобные самосудные расправы являются серьезной криминологической проблемой для современной России, поскольку девальвируют позитивный облик нашей страны как цивилизованного государства с развитой культурой межличностного взаимодействия, способствуют росту преступности в стране и распространению анархии в сфере социальных отношений [1. С. 145].

Если обратиться к специальным криминологическим исследованиям по данной проблематике, то можно обнаружить сведения о том, что от 9 до 34% респондентов, проживающих в крупных городах России (например, таких как Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Воронеж, Владивосток), использовали механизмы самостоятельной расправы над причинителями вреда, не обращаясь с заявлениями о помощи к сотрудникам специализированных органов [2. С. 202]. По сведениям, озвученным в некоторых средствах массмедиа общегосударственного уровня, каждый третий гражданин современной России потенциально готов учинить саморасправу над причинителями вреда для защиты своих интересов вопреки законодательным запретам на это [3]. По итогам нашего исследования, 67% респондентов ( $n = 356$  человек) потенциально предрасположены самостоятельно расправиться со своими обидчиками, прибегая для этого к любым возможным средствам и способам (мужчины в этом отношении более деятельны, среди них этот показатель был равен 87%, когда как женщины более склонны обращаться за помощью к служителям правопорядка. На это указывает то обстоятельство, что доля способных среди них к самосуду составила 56%) [4. С. 30].

Сохранение в современном российском обществе самосудных расправ над причинителем вреда обусловлено достаточно сильной ролью обычного права (обычаев), регулирующего многие социальные процессы в ходе его исторического развития. Именно поэтому это право сохранило свои позиции в системе общественных отношений до настоящего времени. Немало-

важную роль в этом сыграли некоторые негативные обстоятельства, связанные с отправлением правосудия, имеющие для нашей страны хронический характер [5. С. 41].

В связи с изложенным проблема профилактики самосудных расправ криминального характера на территории нашей страны сохраняет свою актуальность и требует выработки адекватных мер для своего решения.

Одним из методологических подходов, способствующим эффективному решению данного вопроса, является, безусловно, изучение его истории, социальной природы данных самосудных расправ и характера государственного реагирования на их реализацию в процессе формирования и развития российского общества и государства.

### **Основное исследование**

Согласно результатам некоторых научных исследований, в догосударственном обществе процедура защиты социальных благ заключалась в самочинных расправах жертвы над причинителем вреда. В случаях, когда она не могла это осуществить самостоятельно, обращалась за помощью к своим сородичам. При этом наказание над обидчиком было самым разнообразным и трудно поддавалось осмыслению современными моральными нормами [6. С. 45]. В этой связи известный отечественный исследователь истории права и правовых отношений В.И. Сергеевич указывал на то, что на заре русской цивилизации первоначальные формы восстановления нарушенных правовых притязаний были частным делом каждого. В связи с чем реализовывались самыми немыслимыми для современного понимания способами, что было предопределено стремлением максимально «отбить» желание соплеменников или представителей не своего рода к совершению подобных действий в дальнейшем [7. С. 419].

На этапе своего формирования древнейшие правые предписания еще не вмешивались в отношения между людьми, обусловленные частными конфликтными ситуациями, связанными с посягательствами на телесную неприкосновенность, жизнь, весь существующий на то время комплекс личных и имущественных прав [8. С. 236]. Именно поэтому защита себя, своей семьи, рода от каких-либо противоправных посягательств была обязанностью каждого человека, к реализации которой он относился по собственному усмотрению. На этапе своего формирования государство в первую очередь было обеспокоено обеспечением защиты самого себя, своих институтов, лиц, наделенных властными полномочиями, а уже потом, по прошествии многих лет, стало заниматься вопросами наказания лиц, наносящих ущерб своим поданным [9. С. 15].

Самосуд над причинителем вреда, реализуемый преступными способами, имеет в России глубокие исторические корни. Он приобрел свое массовое распространение не только в догосударственный период развития общества, но и активно использовался в социальной практике до тех пор, пока не сформировалось сильное государство, вместе с тем потребность в

обеспечении безопасности, как личной, так и общественной (родовой), существовала.

В силу объективных предпосылок формирования и развития общества самосуд над причинителем вреда, в том числе осуществляемый криминальными способами, стал обыденным способом разрешения социальных противоречий и конфликтов. В этой связи он обеспечил себе популярность в социальной практике и во время возникновения и развития Российского государства. При этом к нему обращались все слои населения.

Именно поэтому на начальном этапе формирования Российского государства самосудные расправы над обидчиками не воспринимались как что-то вредное и требующее запрета на официальном уровне. В связи с чем они не преследовались властью под угрозой наказания. Исследователи обращают внимание на то, что подобные расправы несли некую позитивную функцию, поскольку в определенной мере обеспечивали стабильность государственно-правового режима во время еще не полностью сформировавшегося молодого древнеславянского государства [10. С. 19]. Вследствие этого власть позволяла потерпевшим самостоятельно мстить своим обидчикам, о чем свидетельствуют некоторые древнейшие источники права. Так, первый договор Руси с Византией (911 г.) официально разрешал самосуд над причинителем вреда любыми средствами [11]. Например, ст. 4 данного документа прямо указывала на возможность самостоятельно лишать жизни убийцу, застигнутого на месте преступления. Если же убийце удавалось скрыться с места преступления, то родственникам убитого предоставлялось право выбора или взыскивать с родственников убийцы ущерб в денежном эквиваленте, или в случае невозможности уплаты такового самостоятельно искать убийцу и лишать его жизни. При этом срока давности такое право не имело [12]. Практически схожее правовое дозволение было включено и в Договор между князем Игорем и Византией (944 г.) [13. С. 386]. Договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с немецкими городами (1229 г.) [14] предоставлял хозяину двора право в обращении с пойманным им на месте преступления вором по своему усмотрению: он мог его самостоятельно лишить жизни, мог обратить или продать в рабство, а мог и освободить от наказания (ст. 32).

Значительная часть исследователей истории этнокультурного развития российского общества едины во мнении в том, что самосуд, даже с учетом определенных территориальных отличий, был составным элементом системы неофициального крестьянского правосудия, более успешным, чем княжеская власть, сдерживающим противоправную и преступную деятельность сородичей. Если бы не он, то устоявшийся образ жизни и самобытное существование деревни были бы под угрозой [15. С. 52]. Именно поэтому, в определенной степени, оправдывая самосудную активность крестьян, они предпочитали относиться к подобным саморасправам как к одному из основных признаков российского правового менталитета, который сохранил свою имманентность для российского общества и в настоящее время [16. С. 37].

С помощью крестьянского самосуда разрешался достаточно большой блок важных для жизни деревни вопросов: от земельных размежеваний до обеспечения сплоченности общины и усиления ее безопасности [17. С. 468]. Субъектами самосудных расправ в крестьянской среде выступали как сами потерпевшие, так и все поселение (род) в целом [18. С. 35–36]. Безусловно, наибольшей профилактический эффект, в сравнении с индивидуальной саморасправой, был самосуд, учиненный толпою, сборищем или целым сходом. Он выражался в причинении обидчику физических и нравственных страданий, даже смерти. Главной целью коллективных самосудных расправ было публичное посрамление правонарушителя. Необходимо отметить, что в силу особенностей этнокультурного развития посрамление для крестьян имело гораздо больший поучительный и профилактический эффект, чем, например, физические наказания и смерть, поскольку сраму русский человек боялся больше всего на свете.

Анализ практики самосудных расправ в крестьянской среде позволяет сделать вывод, что чаще всего их жертвами становились различного рода шарлатаны, ведьмы, колдуны, поджигатели, воры, конокрады, неверные супруги, члены общины, ведущие «непристойный» или «распутный» образ жизни, грубо нарушающие культурные традиции общинного бытия.

Исследователи отмечают такие специфические факторы широкого распространения криминальных самосудов среди российского крестьянства, как достаточно длительное нахождение крестьян в крепостной зависимости от своих хозяев (господ); этнокультурные особенности общественного образа жизни крестьян; самобытность народных суждений о роли права и господских узаконений в их жизни; особенности отношения к официальному (государственному) правосудию (повсеместное отрицание его как неправильного и несправедливого), что обуславливало их нежелание обращаться к нему даже при наличии возможностей; существенное расхождение между представлениями крестьян и правовыми нормами о том, что есть противоправное и непротивоправное [19. С. 53].

Именно поэтому в истории Российского государства имеется достаточно фактов, оправдывающих и героизирующих самосудные расправы, ставящих их в качестве примера для подражания. Этому удавались саморасправы, имеющие заступнический характер, направленные на борьбу с несправедливостью, исходящую от представителей высшего сословия или врагов. Примером для этого могут служить самосуды, учиненные княгиней Ольгой (X в.) и В.И. Засулич (1878 г.).

В процессе усиления власти Российского государства и укрепления ее институтов, в особенности силового предназначения, развитием права, как публичного регулятора сложившихся общественных отношений, государственная власть всецело присвоила себе «право на насилие» и реализацию правоохранительной деятельности. В этой связи государство стало принимать целенаправленные меры по ограничению самосудной активности своих подданных, вплоть до установления наиболее строгой (уголовной) ответственности за нее. Примером первых попыток подобного отношения

к самосуду со стороны государства могут служить некоторые положения Русской Правды, существенно ограничивающие, но пока не исключающие полностью практику самосуда, а точнее его частного проявления – кровной мести. Так, в ст. 1 данного источника права разрешалось мстить за лишение жизни родственника строго ограниченному кругу лиц по мужской линии, к которым относились только отец, сын, племянник и двоюродный брат.

Со времени формирования государства, развития социально-экономических отношений и общей культуры социального бытия среди русского народа стала развиваться заинтересованность и предпочтительность разрешения конфликтных ситуаций, в том числе криминального характера, правовыми средствами (экономическими санкциями), что послужило снижению популярности физических саморасправ в российском обществе. В этой связи ст. 2 Краткой редакции Русской Правды [20] уже содержала альтернативную санкцию, согласно которой наряду с возможностью мести нормативно закреплялась возможность денежного выкупа за смерть умершего сородича.

В Соглашении Смоленска с Ригой и Готским берегом (1230–1270 гг.) [21], мы уже обнаруживаем полный запрет на учинение самосудной расправы над убийцей, что свидетельствует об усилении роли права в общественных отношениях и его подавлении практики физических саморасправ над правонарушителями.

Первые указания, полностью запрещающие самосудное разрешение криминальных конфликтов и устанавливающее ответственность за их совершение, мы можем обнаружить в Уставной грамоте Двинской земли (1397–1398 гг.) [20], которая не только запрещала разрешение споров, возникших в результате совершенного преступления, самостоятельно и без участия должностных лиц, но и расценивала это не иначе как преступное деяние с соответствующей карой за его осуществление. Подобное государственное реагирование, запрещающее самосуд и указывающее на ответственность за его осуществление, получило свою правовую регламентацию и в Новгородской Судной грамоте (1471 г.) [20].

В период возникновения и укрепления Московского княжества приоритетными стали вопросы защиты и укрепления государственных основ княжеской власти, что нашло свое отражение в источниках права того времени – Судебниках 1497 г. [21] и 1550 г. [22]. В этой связи установление княжеского суда как главного института судопроизводства потребовало упразднения неофициальных народных судов. С этого времени сформировавшееся крепнущее феодальное государство начинает реализовывать активную внутреннюю политику, направленную на сосредоточение в своих руках разрешение любых споров. Это послужило началом юридического и практического (физического) пресечения любой практики самовольной расправы с преступником – от индивидуальной до общинной.

Власть того времени понимала, что одной из главных причин сохранения практики самосудных расправ среди представителей всех слоев общества является сложность и продолжительность судебных разбирательств, что су-

щественно усложняло борьбу с самочинством в разрешении социальных конфликтов. Именно поэтому в Уложении 1649 г. наряду с установлением запрета на самостоятельность в защите от правонарушений были регламентированы штрафные санкции за «вершение дел волокитно» (по две гривны за каждый необоснованный день рассмотрения дела с момента «как дело зачалося» до обращения челобитчика государю [23. С. 58]).

Криминальный самосуд был также характерен и для периода Российской империи. О его существовании в практике разрешения социальных конфликтов указывает тот факт, что около 1% всех дел (и это без учета латентности), рассматриваемых в это время волостными судами, были дела о самосудных расправах. При этом подобные расправы училились не только в сельской местности, но и в городах [24. С. 233–239].

Несмотря на усилия российской власти по противодействию самосудным расправам в сфере борьбы с преступностью правление Петра I ознаменовалось их реанимированием, чему способствовало законодательное регулирование их осуществления. Так, изданный первым Императором Всероссийским Артикул воинский позволял лишать жизни убийцы из местности за совершенное им деяние (Арт. 124) или вора, пробравшегося ночью в дом (Арт. 185).

И только во время правления императора Александра II власть на законодательном уровне вновь закрепила полный запрет каких-либо самосудов на территории Российской империи, что нашло свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [25], утвердившим принцип: «Никто не может быть наказан без суда».

Особым видом самосуда криминального характера в Российской империи, требующего удаления отдельного внимания, были, безусловно, дуэли, получившие широкое распространение среди представителей высшего сословия. Данный способ разрешения «вопросов чести» имел свой строгий регламент и жесткие правила исполнения, что обусловило даже издание неформального документа, регламентирующего дуэли, – Дуэльного кодекса [26. С. 3–4]. Дуэли привносили особый колорит и романтику в жизнь российского светского общества, были своеобразным развлечением для молодых и импульсивных его представителей. Борьба высшей власти с дуэлями была в основном нерезультативна.

Несмотря на это с конца XVII в. российские власти начали разворачивать активную кампанию по противодействию дуэльным поединкам. Царевну Софью можно назвать первым русским правителем, кто предпринял попытку запретить дуэли на законодательном уровне, что нашло свое отражение в ее указе от 25 октября 1682 г. Вслед за ней Петр I в Артикуле воинском установил достаточно жесткие санкции за дуэли между офицерами, выразившиеся в смертной казни. Екатерина II продолжила практику противодействия дуэльным поединкам на государственном уровне. В ее «Манифесте о поединках» (1787 г.) дуэли подверглись резкой критике, и были установлены строгие наказания за их исполнение: от денежного штрафа до пожизненной ссылки в Сибирь. Запрет на дуэли получил свое

закрепление и в Своде законов уголовных 1832 г. [27], а также впоследствии в Уставе военно-уголовном 1839 г. [28. С. 87]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) [29] демонстрирует гуманный подход российской власти к дуэлянтам, о чем свидетельствует существенное снижение санкций за дуэли – замена пожизненной ссылки на заключение от 6 до 10 лет с полным сохранением дворянского титула и связанных с ним прав.

Необходимо отметить, что на практике изложенные в нормативных документах жесткие меры никогда не применялись. Самыми популярными мерами государственного реагирования на дуэлянтов были направление в действующую армию на Кавказ. Если же дуэль имела смертельный исход, то выжившего ожидало разжалование в рядовые с последующим восстановлением в офицерском звании [30. С. 15–17].

Как бы ни боролись указанные правители Российской империи с дуэлями, Николай II принял решение об их восстановлении, утвердив в 1894 г. «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде». Согласно этим правилам, дуэли были узаконены для того, чтобы поднять уровень понятий об офицерской чести [31].

Наше исследование показало, что особую массовость криминальные самосуды получили после Октябрьской революции 1917 г. и в первые годы становления советской власти. Отдельные исследователи российской истории отмечают, что политика советской власти в начале своего существования в какой-то мере способствовала сохранению самосудов, проводя параллели с легитимизацией данных саморасправ во время становления славянского государства [32. С. 446]. Укрепившись, советская власть стала бороться с подобной «формой обеспечения законности и правопорядка». Это послужило основанием того, что 23 ноября 1933 г. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении «О квалификации самосудов» сформулировал определение понятия данного негативного социального явления и определил направления борьбы с ним.

В советское время самосуды криминального характера стали весьма распространенным явлением в армейской среде в периоды внутренних и внешних военных конфликтов. Поэтому государство пыталось бороться с ними. Например, 4 октября 1941 г. был издан приказ Наркома обороны «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями», в котором, в частности, указывалось на «частые случаи незаконных репрессий, самочинства и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров». Данным приказом предписывалось применять любые радикальные меры, направленные на проявление различного рода незаконных репрессий, неуставных отношений и самосудов среди офицерского и рядового состава Красной армии [33. С. 17].

В послевоенные годы в публичном разрешении социальных конфликтов советская власть основательно укрепила свои позиции, создав достаточно развернутую систему правоохранительных органов, и с криминальными самосудами стала бороться с помощью уголовно-правовых средств.

Так, ст. 231 УК РСФСР 1960 г. «Уклонение от примирения», входящая в Главу 11 «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», предусматривала уголовную ответственность и назначение наказания в виде лишения свободы за осуществление «кровной мести». Это было достаточно сильное законодательное средство пресечения такого рода мести на всей территории РСФСР.

Тем не менее искоренить «кровную месть» в социальной практике народов, населяющих кавказские земли, государству так и не удалось. Изжить ее не представляется возможным и в настоящее время. Данный факт связан с особым уважением этих народов к данному обычаю, имеющему для них важное этнокультурное значение.

### **Заключение**

Таким образом, историко-правовое исследование государственного реагирования на самосуды криминального характера в России позволяет сделать вывод, что характер публичного реагирования на данные самосуды напрямую зависел от степени сформированности государства и его силовых институтов. Несмотря на усилия, предпринимаемые властью за весь исторический период развития российской государственности, полностью искоренить данные самосуды так и не удалось. На это оказывали существенное влияние такие факторы, как территория государства; развитие права и характер государственного реагирования на самосуды правовыми (уголовно-правовыми) средствами; особенности отправления правосудия; социальные «потрясения» общегосударственного масштаба (революции, смены политических режимов), активизирующие анархические настроения в обществе; российская этнокультурная парадигма, предполагающая сильные позиции обычного права и недоверительное отношение к публичному праву и правосудию.

В связи с этим к криминальному самосуду над причинителем вреда прибегают и в настоящее время, что является серьезной социально-криминологической проблемой для современной России. Она требует своего решения в первую очередь правовыми средствами и совершенствованием правоприменительной практики, которые направлены на искоренение желания российских граждан самостоятельно расправляться с причинителем вреда в сфере уголовно-правовых отношений.

### **Список источников**

1. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 143–146.
2. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 1008 с.
3. Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости. URL: <http://www.itv.ru/news/social/216619>
4. Смирнов А.М. Социально-психологические детерминанты самосуда в России // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 28–31.

5. Смирнов А.М. Самосуд: деяние или мотив преступления? // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5–6 (45–46). С. 39–42.
6. Зиновьева О.П. Самозащита гражданских прав в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 166 с.
7. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 488 с.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. 351 с.
9. Мацкевич И.М. Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). С. 10–18.
10. Мельников В.Ю., Серегин А.В. Кровная месть как особенность государственно-правового режима языческой Руси и других древнеславянских княжеств в сравнении с германскими средневековыми обычаями // История государства и права. 2017. № 10. С. 19–24.
11. Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X–XII вв. Вып. 1. М. : Госюриздат, 1952. 300 с.
12. Памятники русского права. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. Вып. 4. М. : Госюриздат, 1956. 300 с.
13. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 424 с.
14. Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права. СПб. : Типография губернского права, 1859. 437 с.
15. Шнейдер Ф.А. Крестьянская община как институт непосредственной демократии в системе социально-правовых отношений России (1861–1918 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 195 с.
16. Шатковская Т.В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 35–39.
17. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX в.: историко-правовой аспект : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2009. 597 с.
18. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск : Истина и Ко, 1907. 192 с.
19. Темников В.Г. Самосуд в России. Владимир : Без издательства, 1918. 59 с.
20. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1984. 432 с.
21. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1985. 520 с.
22. Памятники русского права. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Вып. 3. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1955. 527 с.
23. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2002. 469 с.
24. Оболенская С.В. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Москва. (Реферат статьи: Frank S. Popular justice, community and culture among the Russian peasantry 1870–1900 гг. // The world of the Russian peasant: post-emancipation culture and society. Boston, 1990.).
25. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 8. М. : Юрид. лит., 1991. 496 с.
26. Дурасов В.А. Дуэльный кодекс. – 4-е изд. Санкт-Петербург: Типография «Сириус», 1912. 126 с.
27. Свод законов Российской империи // СПС «КонсультантПлюс».
28. Хандорин В.Г. Дуэль в России // Родина. 1993. № 10. С. 87–93.
29. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 898 с.
30. Пусторослев П.П. Незаменимая саморасправа как учреждение уголовного права, по учению европейских правоведов XVI–XVIII вв. и упоминаемых ими предшествен-

ников, европейских правоведов XII–XV вв. М. : Типография В.В. Исленьева, 1889. 716 с.

31. Коровин В.М. 2004. Офицерская честь: моральные принципы и правовые нормы // Право в Вооруженных Силах. № 1. URL:[http://armyrus.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=93&Itemid=1521](http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=93&Itemid=1521).

32. Музычук Т.Л., Кулачков В.В. Самосуд в России: историко-правовой аспект (по материалам западного региона) // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 444–450.

33. Лысов В.А. Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 24 с.

## References

1. Smirnov, A.M. (2014) Phenomenon legal nihilism in russian society and citizens' readiness to extra method of resolving criminal conflict]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 3. pp. 143–146. (In Russian).

2. Dolgova, A.I. (2010) *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow: Norma: Infra-M.

3. Kiselev, M. (2012) *Diskussiya v rossiyskom obshchestve: kak ustanovit' samosud i ne brosit' tekh, kto zhdet spravedlivosti* [Discussion in Russian society: How to stop lynching and not abandon those who are waiting for justice]. [Online] Available from: <http://www.ltv.ru/news/social/216619>

4. Smirnov, A.M. (2013) Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty samosuda v Rossii [Socio-psychological determinants of lynching in Russia]. *Yuridicheskaya psikhologiya – Juridical Psychology*. 4. pp. 28–31.

5. Smirnov, A.M. (2014) Samosud: deyanie ili motiv prestupleniya? [Lynching: an act or a motive for a crime?]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*. 5–6(45–46). pp. 39–42.

6. Zinovieva, O.P. (2006) *Samozashchita grazhdanskikh prav v zakonodatel'stve Rossii* [Self-defense of civil rights in the Russian legislation]. Law Cand. Diss. Rostov on Don.

7. Sergeevich, V.I. (2004) *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law]. Moscow: Zertsalo.

8. Pokrovskiy, I.A. (1998) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.

9. Matskevich, I.M. (2017) The philosophy of fight against crime. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 7(35). pp. 10–18. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2017.35.7.010-018

10. Melnikov, V.Yu. & Seregin, A.V. (2017) Krovnaya mest' kak osobennost' gosudarstvenno-pravovogo rezhima yazycheskoy Rusi i drugih drevneslavyanskikh knyazhestv v sravnenii s germanskimi srednevekovymi obychayami [Blood feud as a feature of the state-legal regime of pagan Rus and other ancient Slavic principalities in comparison with medieval German customs]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 10. pp. 19–24.

11. Yushkov, S.V. (ed.) (1952) *Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vv.* [Monuments of Russian Law. Monuments of Law of the Kyiv State of the 10th – 12th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.

12. Cherepnin, L.V. (ed.) (1956) *Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv.* [Monuments of Russian Law. Monuments of Law of the Period of Strengthening the Russian Centralized State of the 15th – 17th Centuries]. Vol. 4. Moscow: Gosyurizdat.

13. Maltsev, V.V. (1993) *Problema otrazheniya i otsenki obshchestvenno opasnogo povedeniya v ugolovnom prave* [The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law]. Law Dr. Diss. Moscow.

14. Lazarevskiy, I. & Utin, Ya. (1859) *Sobranie vazhneyshikh pamyatnikov po istorii drevnego russkogo prava* [Collection of the most important monuments on the history of ancient Russian law]. St. Petersburg: Tipografiya gubernskogo prava.

15. Schneider, F.A. (2001) *Krest'yanskaya obshchina kak institut neposredstvennoy demo-kratii v sisteme sotsial'no-pravovykh otnosheniy Rossii (1861–1918 gg.)* [Peasant community as an institution of direct democracy in the system of social and legal relations in Russia (1861–1918)]. Law Cand Diss. Moscow.

16. Shatkovskaya, T.V. (2012) Samosud kak proyavlenie rossiyskogo pravovogo mentaliteta [Mob justice as a manifestation of the Russian legal mentality]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 6. pp. 35–39.

17. Shatkovskaya, T.V. (2009) *Obychnoe pravo rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: istoriko-pravovoy aspekt* [Customary law of Russian peasants in the second half of the 19th – early 20th centuries: Historical and legal aspect]. History Dr. Diss. Rostov on Don.

18. Tenishev, V.B. (1907) *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasant Life]. Bryansk: Istina i Ko.

19. Temnikov, V.G. (1918) *Samosud v Rossii* [Mob Justice in Russia]. Vladimir: Bez izdatel'stva.

20. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984a) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Vol. 9(1). Moscow: Yuridicheskaya literatura.

21. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984b) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Vol. 9(2). Moscow: Yuridicheskaya literatura.

22. Cherepnin, L.V. (ed.) (1956) *Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XIV–XV vv.* [Monuments of Russian law. Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state. The 14th – 15th centuries]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.

23. Titov, Yu.P. (2002) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [A Reader on the History of the State and Law of Russia]. Moscow: Prospekt.

24. Obolenskaya, S.V. (1990) Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh. (Referat stat'i: Frank S. Popular justice, community and culture among the Russian peasantry 1870–1900 gg. [History of mentalities, historical Anthropology. Foreign Research in Reviews and Abstracts. Moscow. (Abstract: Frank S. Popular justice, community and culture among the Russian peasantry 1870–1900)]. In: Eklof, B. & Frank, S.P. (eds) *The world of the Russian peasant: post-emancipation culture and society*. Boston: Unwin Hyman.

25. Chistyakov, O.I. (ed.) (1991) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Vol. 8. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

26. Durasov, V.A. (1912) *Duel'nyy kodeks* [Dueling Code]. 4th ed. St. Petersburg: Sirius.

27. Russian Empire. (n.d.) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus.”

28. Khandorin, V.G. (1993) Duel' v Rossii [Duel in Russia]. *Rodina*. 10. pp. 87–93.

29. Russian Empire. (1845) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [Code of criminal and correctional penalties]. St. Petersburg: Second Section of His Own Imperial Majesty's Chancellery.

30. Pustoroslev, P.P. (1889) *Nezamenimaya samorasprava kak uchrezhdenie ugovolnogo prava, po ucheniyu evropeyskikh pravovedov XVI–XVIII vv. i upominaemykh imi predshestvennikov, evropeyskikh pravovedov XII–XV vv.* [Irreplaceable self-reprisal as an institution of criminal law, according to the teachings of European jurists of the 16th – 18th centuries. and their predecessors, European jurists of the 12th – 15th centuries]. Moscow: V.V. Isleniev.

31. Korovin, V.M. (2004) Ofiterskaya chest': moral'nye printsipy i pravovye normy [Officer's Honor: Moral Principles and Legal Norms]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*. 1.

[Online] Available from: [http://armyus.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=93&Itemid=1521](http://armyus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=93&Itemid=1521).

32. Muzychuk, T.L. & Kulachkov, V.V. (2017) Samosud v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt (po materialam zapadnogo regiona) [Mob justice in Russia: The historical and legal aspect (based on materials from the western region)]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 11(2). pp. 444–450.

33. Lysov, V.A. (2008) *Karatel'naya politika Sovetskogo gosudarstva i osobennosti sudoproizvodstva po gosudarstvennym prestupleniyam v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie* [The punitive policy of the Soviet state and the peculiarities of legal proceedings for state crimes during the Great Patriotic War (1941–1945): a historical and legal research]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

**Информация об авторе:**

**Смирнов А.М.** – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (Москва, Россия); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (Москва, Россия). E-mail: samnauka@mail.ru

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

**Information about the author:**

**A.M. Smirnov**, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation); International Law Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: samnauka@mail.ru

**The author declares no conflicts of interests.**

*Статья поступила в редакцию 18.12.2021;  
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 04.07.2023.*

*The article was submitted 18.12.2021;  
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 04.07.2023.*